

На правах рукописи

Климчукова Вера Николаевна

**Лирическая поэзия Н.С. Гумилева: духовные основы,
мифологические и литературные истоки**

Специальность: 10.01.01 – русская литература

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва

2007

Работа выполнена на кафедре русской литературы XX века
Московского государственного областного университета

Научный руководитель: доктор филологических наук
Людмила Алексеевна Смирнова

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Татьяна Константиновна Савченко

кандидат филологических наук
Владимир Анатольевич Бодров

Ведущая организация: Московский педагогический
государственный университет

Защита состоится 20 сентября 2007 года в 15.00 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.155.01 по литературоведению при
Московском государственном областном университете по адресу:
105005, г. Москва, ул. Ф. Энгельса, д. 21-а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Московского
государственного областного университета по адресу:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10-а.

Автореферат разослан _____ 2007 года.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук

Т.К. Батурова

Общая характеристика работы

Преступный, без суда и следствия, расстрел Николая Степановича Гумилева на долгие годы определил вопиющее отношение большевистских властей к его наследию. В течение более шестидесяти лет после трагической гибели поэта даже упоминание его имени в печати пресекалось и каралось советскими идеологами. В этот период очень многое сделали деятели Русского зарубежья для постижения творческой индивидуальности Гумилева, переиздания сборников его стихов, художественной прозы, публицистики. Поэзии и литературной деятельности ярчайшего представителя Серебряного века дали высокую оценку А.В. Амфитеатров (1922), К. Мочульский (1922), Г. Струве (1922), Е. Аничков (1923), Ю. Айхенвальд (1923), В.Ф. Ходасевич (1939), Г. Иванов (1949), Л. Страховский (1951), Н. Оцуп (1952), С. Маковский (1962), И. Одоевцева (1967), В. Вейдле (1973) и многие другие.

Только с конца 1980-х годов, после документального обоснования Г.А. Тереховым («Новый мир», 1987, № 12) непричастности Гумилева к антисоветскому заговору, началось освоение его наследия на родине. В последние два десятилетия проявился острый интерес исследователей к личности и творчеству поэта. Своеобразие духовных прозрений и сложившихся на этой основе художественных открытий Гумилева были посвящены многие работы: А.И. Павловского (1988), В.П. Енишерлова (1988), Л.А. Смирновой (1989), Ю.В. Зобнина (1990), В.К. Лукницкой (1990), И.А. Панкеева (1990), Н.А. Богомолова (1991), Т.Д. Беловой (1994), др. Сходной направленностью обладали диссертации ряда авторов: С.Н. Колосовой (1998), М.В. Смеловой (1998), О.А. Смагиной (2000), О.В. Щегольковой (2003), Т.А. Ушаковой (2003) и др.

В современных исследованиях, обращенных к наследию Гумилева, наметились и некоторые существенные разногласия. Вне их преодоления невозможно проникнуть в мир поэта. Еще в отзывах русских эмигрантов «первой волны» сказалось противоречивое освещение эстетических взглядов Гумилева. Одни толкователи его наследия (Е. Аничков, С. Маковский,

Н. Ульянов, В. Ходасевич) ошибочно, на наш взгляд, провозгласили полное равнодушие Гумилева к христианским идеалам. Другие (Н. Оцуп, Г. Струве, Л. Страховский, Н. Рерих) доказательно, с опорой на биографию и творчество поэта, раскрыли его сознательную и устойчивую апелляцию к утвержденным православным вероучением духовным высотам бытия. К сожалению, в некоторых «новых» трактовках наследия Гумилева представлен преднамеренно искаженный облик поэта. В книге С.Л. Слободнюка «“Дьяволы” Серебряного века: Древний гностицизм и русская литература 1880-1930 гг.» (СПб., 1998) талантливый художник вкупе с другими выдающимися создателями искусства Серебряного века причислен к некоему «клану» «сатанистов». Столь разрушительной практике активно противостоят исследования ученых, установивших священное значение для Гумилева Заветов Иисуса Христа. Эта плодотворная тенденция присуща трудам Ю. Зобнина, О. Ильинского, В. Размахниной, О. Черненко. Наиболее развернуто подобная ориентация Гумилева была освещена в монографии М.В. Смеловой «Онтологические проблемы в творчестве Н.С. Гумилева» (Тверь, 2004).

Притяжение Гумилева к вечным, всечеловеческим ценностям – в их тесной связи с откровениями Евангелистов, поучениями Святых Отцов церкви – позволяет раскрыть подлинные руслы и перспективы творческого формирования поэта. Работы последних лет, посвященные этой особенности его поисков и свершений, на редкость актуальны. К сожалению, изучение лирики поэта в этом направлении не стало ведущим в исследованиях такого плана. Истоки мироощущения Гумилева названы, но не соотнесены с развитием его нравственно-эстетической концепции, с эволюцией ее образного воплощения. Да и сами сферы вечных ценностей, на которые ориентировался Гумилев, представлены узко, неконкретно.

Незавершенность и других сопоставлений творчества Гумилева с проявлениями мировой культуры – очевидна. М.В. Смелова, рассматривая «в рамках мифологической концептуальности символизма» поэтический мир

Н. Гумилева, справедливо указала на присутствие мифологических образов, мотивов в его ранних сборниках, но даже в них функции античных мифов и литературы не были раскрыты. В книге Н.П. Комоловой «Италия в русской культуре Серебряного века» (М., 2005), статье Т.С. Зориной «Рим Н.С. Гумилева» (СПб., 1996) привлечены в качестве примера только «итальянские» стихи Гумилева. Не подвергался серьезному осмыслению и неоромантический характер лирики Гумилева. В учебном пособии Е.Ю. Кармаловой «Неоромантизм в культуре Серебряного века» (Омск, 2005), статье Т.Д. Беловой «Неоромантизм Н. Гумилева» (Балашов, 1994) справедливо была утверждена значимость именно такого подхода к наследию поэта, а конкретизация этого положения отсутствовала. Несомненный интерес Гумилева к трудам и сочинениям зарубежных деятелей культуры (Ф. Ницше, Т. Готье, Леконта де Лиля, Артюра Рембо, Г. Райдера Хаггарда, Ж.М. де Эредиа, Ш. Бодлера, С. Колриджа, Р. Киплинга и др.) учитывался во многих публикациях. Могущественное влияние на поэта русского классического романтизма, в общем виде указанное еще Н. Оцупом, до сих пор остается непроясненным, а, следовательно, нерасшифрованным и понятие «неоромантизм».

По нашему представлению, обусловившему сущность настоящей диссертации, для освещения неисследованных звеньев свойственного Гумилеву творческого процесса необходимо освоить иные принципы его анализа. К обобщениям в этой области следует идти не от выдвижения каких-то теоретических положений к подтверждению их состоятельности на примере отдельных стихов или мотивов, воплощенных в тех или иных сборниках поэта. Плодотворна, думается, другая линия движения: от последовательного, системного, текстологического изучения всех сборников лирики – к определению самобытных открытий художника. Анализ такого уровня способен обнаружить подлинную внутреннюю логику рождения отдельных образов и целостной их системы в лирических циклах, поскольку опирается на «построчные» параллели, смысловые акценты, символизацию

значимых явлений духовного бытия. Углубление в ассоциативный строй поэтической речи позволяет раскрыть сложную сущность онтологических обобщений автора.

Объект настоящей диссертации составили поэтические сборники Н.С. Гумилева: «Путь конквистадоров», «Романтические цветы», «Жемчуга», «Чужое небо», «Колчан», «Костер», «Шатер», «Огненный столп». Для углубленного их осмысления привлечены свидетельства современников о жизни и деятельности поэта, источники биографических сведений о нем; эпистолярный, теоретические и литературно-критические статьи самого Гумилева, многочисленные работы, посвященные его творчеству. Основу постижения наследия поэта определили откровения Евангелистов, поучения Святых Отцов православной церкви, труды религиозных мыслителей, философов, теоретиков литературы. Для прояснения роли дохристианской культуры в поэтическом мире Гумилева рассмотрены некоторые сочинения Гомера, Овидия, античные мифы, важные для нас позиции древнегреческих философов, наблюдения и выводы специалистов по античному словесному искусству. Своеобразное восприятие Гумилевым традиций классического романтизма установлено средствами сопоставления творчества художника XX века с наследием Дж.Г. Байрона, В.А. Жуковского, П.А. Вяземского, Е.А. Баратынского, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева.

Цель диссертационной работы восходит к изучению сборников лирики Гумилева как целостной нравственно-эстетической системы; выявлению в каждом его художественном сочинении тем, мотивов, образов в их конкретной связи с заветами и прогнозами православного вероучения, с открытиями русских поэтов-романтиков, с достижениями античной культуры, зарубежного искусства нового времени.

Отсюда вытекают **конкретные задачи**:

- провести детальный текстологический анализ означенных поэтических сборников, проследив устойчивую апелляцию Гумилева к священным для православия источникам;

- исследовать характерные для разных периодов поэзии Гумилева христианские темы и мотивы, их значение и оригинальность образного запечатления в его лирике;
- определить авторскую концепцию человека и мира как выражение идеалов, ориентированных на утвержденные христианством вечные духовные ценности;
- проследить (на текстологическом уровне) эволюцию обогащения этой концепции от «Пути конквистадоров» до «Огненного столпа»;
- установить роль античной культуры в поэтическом наследии Гумилева;
- раскрыть связь художественного творчества Гумилева с романтической устремленностью Дж.Г. Байрона к неведомому, особенно глубокую – с открытиями классического русского романтизма;
- объяснить внутренние сближения-расхождения в лирике разных эпох, высветив на этом материале неоромантический характер поэзии Гумилева.

Целью и задачами диссертации предопределено комплексное использование следующих **методов** исследования: содержательно-структурного, историко-функционального, сравнительно-типологического, биографо-истокведческого, аксиологического.

Направленность настоящей диссертации обусловили суждения самого Гумилева, его статьи и многочисленные рецензии, а также воспоминания и сведения о нем его современников. Ведущим для нас стало признание поэта: «У меня русский характер, каким его сформировало Православие»¹.

Теоретико-методологическая база настоящего исследования обладает многоуровневой структурой. Работа создавалась в результате углубления в тексты Библии, особенно – Евангелия, в святоотеческие традиции, текстуально закрепленные в различных богослужебных книгах (Молитвослов,

---

¹ Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. – СПб., 1994. – С. 303.

Акафистник, проч.), в поучения и наставления Святых Отцов христианской церкви (привлекались труды Оптинских Старцев, преподобного Варсонофия, Никиты Стифата, преподобного Макария, преподобного Иоанна Кронштадского, архиепископа Федора (Поздеевского), Исаака Сирина и многих других), в христианскую символику, тексты православных молитв. В постижении духовной культуры активную роль сыграли концепции русских религиозных мыслителей: Вл.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Н.О. Лосского, П. Флоренского. Связь Гумилева с мировой культурой была раскрыта с опорой на труды Платона, Аристотеля, Ф. Ницше. Литературоведческую основу диссертации определили труды А.Н. Веселовского, М.М. Бахтина, С.А. Венгерова, М.Л. Гаспарова, Н.А. Гуляева, А.Ф. Лосева, В.М. Жирмунского, Ю.М. Лотмана, А.Ф. Лосева, И.В. Шталь и др. Максимально были освоены воспоминания, отзывы, статьи, книги представителей русской эмиграции, современников Н.С. Гумилева: Н.А. Оцуца, Г.П. Струве, Г.В. Адамовича, В. Вейдле, А.В. Амфитеатрова, Ю. Айхенвальда, Г. Иванова, Е. Аничкова и др. Осмыслен большой пласт современных исследований о личности и творчестве Гумилева.

Научная новизна диссертации обусловлена стремлением углубить и конкретизировать представления о малоизученной эволюции религиозно-философских и эстетических взглядов поэта, их обогащении и вариациях образного воплощения от первой поэтической книги к последней. Для разрешения столь важной задачи впервые были освоены принципы изучения художественных текстов, в их целостном звучании и самобытности отдельных мотивов, – в тесной связи с памятниками христианского вероучения, наследием античности, культурными достижениями классического русского романтизма. Новый подход позволил осветить подлинное своеобразие каждого сборника Гумилева и его поэтические открытия в целом. С этой высоты развенчаны многие давние и современные ошибочные трактовки произведений и позиций Гумилева. Чему немало содействовало выявление ранее никем не обнаруженных форм авторского

начала в лирике, а также внутренней взаимосвязи между широкими философско-эстетическими обобщениями художника и его изобразительным, словесным, композиционным мастерством.

Теоретическая значимость диссертации состоит в раскрытии значения наследия Н.С. Гумилева в поэзии Серебряного века, особенностей присущего ей углубления в сложные духовные процессы эпохи, нового типа романтизма. Настоящее исследование, думается, содержит перспективные ориентиры для осмысления роли классических традиций в судьбах поэзии XX века, мифологических и литературных истоков свойственных ей образных структур.

Практическое значение данной диссертации определено возможностью использовать сделанные в ходе исследования наблюдения и выводы в лекциях по курсу «Русская литература конца XIX- начала XX вв.», в спецкурсах и спецсеминарах по поэзии XX века для студентов-филологов, а также в школьной практике преподавания литературы.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета, на аспирантских объединениях. Важные положения работы изложены в докладах на конференциях: «Словесное искусство Серебряного века и развитие литературы» (Москва, 2001), «Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века» (Москва, 2003; 2005). Основные обобщения, к которым пришел диссертант, освещены в десяти публикациях.

Структура работы, обусловленная ее целью и задачами, включает: введение; три главы: «Христианские основы нравственно-эстетической концепции Н.С. Гумилева»; «Античная культура в поэтическом мире Н.С. Гумилева»; «Неоромантическое начало и его развитие в поэзии Н.С. Гумилева»; заключение; библиографию, насчитывающую 315 названий изученных источников. Содержание диссертации изложено на 279 страницах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, устанавливается степень ее изученности, формулируются предмет, цели, задачи исследования, его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, определяется теоретико-методологическая база.

Первая глава – «Христианские основы нравственно-эстетической концепции Н.С. Гумилева» – имеет пять разделов.

В первом разделе – «“Путь конквистадоров” и “Романтические цветы”»: ориентиры постижения духовных ценностей» – установлены биографические истоки православного мироощущения Н.С. Гумилева, соотнесены стихотворения ранних его сборников с текстами Священного Писания, мудрыми прозрениями проповедников Православной Церкви.

Мотивы вечного развития мира, постижения Истины, духовного совершенствования личности явственно прослеживаются в первых книгах Гумилева. Идеалы художника, вполне соотносимые с нравственными, духовными постулатами христианства, формировались, однако, в процессе преодоления человеческих заблуждений, сомнений, греховных помыслов. Мрачные наблюдения для Гумилева не менее важны, чем его светлые прозрения, т.к. наличие тягостных испытаний раскрывает непреложность Богом данных законов. Вот почему зримо проявилась в стихах поэта тема мирового зла («Баллада», «Умный дьявол», «Влюбленная в дьявола», «Рассказ девушки», «Пещера сна» и др.). Для ее художественного воплощения он своеобразно развивает библейские сюжеты о Князе Тьмы, использует материалы апокрифов раннего христианства, прибегает к образам отступников от Божественной Истины, заимствованиям из других вероучений. Чем ярче представлен страшный, опасно двоящийся облик «нечистого», тем значительнее, весомее отражено торжество человека, избежавшего гибельных пут.

Гумилев почти никогда не проводил в своих стихах прямых параллелей со священными текстами. Художником руководило раскованное творческое

воображение. Оно позволяло библейскую «жену, облаченную в солнце», представить как таинственную «Деву солнца», сопровождаемую «песнями вышнего хора», звоном «ангельских мечей»; языческую дриаду «оттеснить» «венценосной богиней», «великий миг» Второго Пришествия Христа насытить «восторгом предмирным и бездумным». Удивительная «детализировка» неведомых явлений, свобода употребления экспрессивных определений, динамика воплощения самых неразгаданных видений – все позволяло насытить живым, сильным чувством торжественные, строгие символические образы из «Книги Бытия», тем приблизить их к человеку. Поэт будто заново переживал откровения Господни. Но их сущность, несмотря на вольность изобразительных приемов, он запечатлел с целомудренной верой в неколебимость христианского вероучения. Именно такая направленность ранней лирики сообщила ей главный, всеобобщающий план, а созданному автором фантастическому царству смело вымышленных фигур – мудрое постижение светлых духовных перспектив жизни. Любой мрачный мотив, давший возможность подозревать Гумилева чуть ли не в поклонении Люциферу, в целостном контексте стихотворения и сочинений, открывающих сборники «Путь конквистадоров» и «Романтические цветы», дают право утверждать неразрывную связь мироощущения художника с нравственными идеалами христианства.

Во втором разделе – «Роль библейских мифов в авторской концепции книг “Жемчуга” и “Чужое небо”» – рассмотрена эволюция духовных исканий Гумилева, воплощенных в стихотворениях вышеуказанных сборников, прослеживается обогащение их поэтики.

При всей свободе поэтической фантазии Гумилева, оригинальности его образной системы, нигде не нарушен смысл священных текстов. Более того, введение каких-то необычных, свежих поворотов, деталей, красок в те или иные библейские темы убедительно свидетельствует о том, что они вызваны в стихах не бескрылым желанием дать к ним «иллюстрацию», но авторским глубоким, индивидуальным и актуальным для времени их переживанием. Так

стихотворение «Потомки Каина» представляется переложением главы из «Книги Бытия», повествующей о сотворении человека. Поэт обращается к теме грехопадения. Понять удел «Потомков Каина» помогают раздумья С. Булгакова, в частности, такое: «Изменился весь путь человеческой жизни, хотя и не изменилась, конечно, мысль Творца, а, следовательно, и конечная цель мироздания: во тьме грехопадения засияло спасительное древо Креста – новое древо жизни»². Очень осторожно, без «нажима», осознавая противоречивое состояние своей современности, Гумилев тоже наметил возможность светлого исхода человеческих страданий:

Но почему мы клонимся без сил,
Нам кажется, что Кто-то нас забыл,
Нам ясен ужас древнего соблазна,
Когда случайно чья-нибудь рука
Две жердочки, две травки, два дровца
Соединит на миг крестообразно?³

В сборнике «Жемчуга» (1918) заметно усиливается противопоставление христианских идеалов, прогнозов, деяний во имя чистоты веры во Христа современному для поэта, погрязшему в преступлениях миру.

Показательно, что поэт особенно чуток к тем духовным основам, которые сложились и сохранились в родном укладе с его искренним и неколебимым притяжением к христианским заветам. Лирическому герою Гумилева становятся дороги «тихие заводи», «дом с голубыми ставнями, с креслами давними, и круглым чайным столом» (I, 127). В такой обстановке сохраняются добрые традиции, воспринятые в чистом детстве от родительской прочной веры в Благодать Божию. В сознании ребенка естественно рождается признание: «Я люблю Тебя, Господи!» (I, 127).

В лирике «Чужого неба» остро встает вопрос о смысле жизни. Отвечая на него, Гумилев затрагивает очень сложные сферы христианского

---

² Булгаков С.Н. Свет Невечерний. – М, 1994. – С. 274.

³ Гумилев Н.С. Собрание соч.: В 4 т. Под. ред. проф. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. – М.: Терра, 1991. – Т. I, С. 94-95. Далее ссылки на это издание даются с указанием тома и страниц в тексте.

вероучения. Гумилев обращается к историческим реалиям, легендарным мотивам, чтобы убедительнее раскрыть истоки своих духовных идеалов. Библейская история Блудного Сына представляет собой «миф о вечном возвращении» заблудших душ: от бунта против Бога к новому воссоединению с Ним, через преодоление анархического «хаоса», ведущего к вседозволенности и гибели личности.

«Ницшеанская модель» человеческого развития, к которой поэт испытывал несомненный интерес, оказывается у Гумилева побежденной проникновенными откровениями Христа. Гумилев увидел, понял, воспел противоположный характер христианского мировосприятия учению немецкого философа: освобождение от эгоцентристской замкнутости личности, обретение воистину прекрасного слияния с живым миром, достижение внутренней гармонии в любви к ближнему, совершенствование внутреннего бытия в процессе переживания утрат и разочарований, наконец, непоколебимая вера в Благой Промысел Божий, которому способен внимать и содействовать человек. Эти вечные ценности одухотворили творчество Гумилева, в том числе и произведения, кои, на первый взгляд, были посвящены чисто земным событиям и героям («Отравленный», «Баллада», «Родос», «Блудный сын», «Открытие Америки»).

В третьем разделе – «Роль христианских заветов на пути испытаний и потрясений» – делается попытка определить характер высших запросов поэта.

Поэтические тексты сборника «Колчан» насыщены христианской символикой. Это и Падуанский собор, и собор Святого Марка в Венеции, и храм Святого Петра в Риме, икона «Святителя и Чудотворца Николая» в русских «Старых усадьбах». Все больше привлекают Гумилева библейские сюжеты, Жития святых («Книга Юдифи», «Книга Исхода», Евангелия Марка, Луки, Матфея и т.д.). Обращение к источникам Вечной Мудрости закономерно: «расцвет духа» и смирение плоти напрямую связаны с постижением Бога, веры в Него. Таким звучанием исполнены разные стихотворения («Пятистопные ямбы», «Наступление», «Война», «Разговор»,

«Снова море» и др.). Необходимо отметить внутреннее единство составляющих сборник сочинений, что придает ему стройность. «Солнцем духа» пронизаны все строки поэтических текстов, им озарены мысли и чувства, рожденные, что следует подчеркнуть особо, реальными переживаниями войны. Воплощен один из основных постулатов православия: смиренно принимать Волю Божию.

В ходе военных действий, когда человеку более свойственно заботиться о телесной стороне существования, поэт совершенно четко, осознанно отдает приоритет душе. С религиозной точки зрения вся жизнь христианина – есть духовная брань. И суть этой духовной брани состоит в борьбе с грехом и стремлении победить его. И каждое мгновение которой несет в себе счастье победы Духа. Отсюда возникают: и побудительный вопрос: «как могли мы прежде жить в покое?», и радостное признание: «расцветает дух» и «разрывает тьму». Святые великомученики Пантелеймон и Георгий Победоносец неизменно вдохновляют духовную рать, стоящую на полях боя «за плечами воинов».

В сборник «Костер» были, как известно, включены переработанные стихотворения из парижского и лондонского альбомов Гумилева, сосредоточивших в себе его раздумья о сущностных вопросах бытия, обращенных к постижению Промысла Божия и человеческого предназначения. Вступительным, согласно авторскому замыслу, стало стихотворение «Деревья», которое содержит своеобразный «ключ» к пониманию сборника в целом. Здесь выражена жажда обрести «величие совершенной жизни». По мысли поэта, земля – «отчизна» лишь для цветущей природы (ее символом избраны деревья). Для человека подлинной родиной воспринимается неведомая страна божественной гармонии, где только и возможно подняться на небывалую высоту.

Постижение человеческого бытия составляет суть исканий лирического героя. Мотив странничества становится ведущим в данной книге. Но он выражает не столько поиск жизненного пути, сколько безудержное влечение

к Вечной Божественной истине. На такой почве рождается предположение избранности:

Если, Господи, это так,
Если правильно я пою,
Дай мне, Господи, дай мне знак,
Что я волю понял Твою. (II, 23)

Только пройдя испытания, душа может, по мысли автора, прикоснуться к Вечности. Подобный круг размышлений соотнесен в разделе с учением Павла Флоренского.

Лирический герой «Колчана», «Костра» взволнованно, трепетно проникает в непреходящие ценности пророчеств и заповедей Бога-Отца и Сына Божия. Не для того, чтобы скорректировать вечные истины в соответствии с реальной обстановкой, а чтобы обрести в себе силу, опыт, способность следования им в своем внутреннем бытии. И герой сборника находит для свершения высшего предназначения многие потенции в собственной экзальтированной душе.

В четвертом разделе – «Своеобразное развитие темы странничества в книге лирики “Шатер”» – посвящена теме странничества, поиска истины в этом сборнике. Воссозданная Гумилевым жизнь далекого континента рассматривается во всем многообразии ее проявлений: религиозная вера, восприятие природы, существование в труде. Однако основа, их связующая, раскрыта с опорой на мудрость православного вероучения.

Обращение к африканской тематике существенно обогатило поэтическое наследие Н.С. Гумилева. Стихи «Шатра» стали ярким свидетельством присущей поэту целостной мировоззренческой концепции, отражением близких ему нравственных категорий. Есть вечные ценности, которые священны для людей разного цвета кожи, разных национальностей: добросовестный труд, любовь к ближнему, стремление к гармонии с внешним миром, внутреннему совершенству. И все это видит внимательный взор художника. Отрадно слышать детский смех, наблюдать, «как тройную ... жатву берет» с «богатых нив» крестьянин (II, 77), «как поят парным молоком

старики / Умирающих змей престарелых» (II, 90), а небывалые звери бродят, «как Бог им назначил» (II, 85). Чужая религия, чужой быт, история вызывают у поэта желание осмыслить их с позиции своих христианских идеалов. Гумилев привнес в страну экзотики мотивы, образы, ориентированные на христианское вероучение. В поэтике художника все, осиянное самоотверженной любовью к людям, насыщено библейской символикой.

В пятом разделе – «Христианское вероучение как основа концепции бытия в лирике “Огненного столпа”» – рассматривается последняя составленная Гумилевым книга с точки зрения его высших запросов.

В этой части главы предпринята попытка систематизировать все известные высказывания исследователей о «дешифровке» названия «Огненный столп». В ходе анализа мы приходим к выводу о первичности библейской символики, заключенной в образе Всевышнего, явившегося в «огненном столпе».

Стихи, собранные в этой книге, исполнены философских раздумий о сущности и назначении искусства, феномене внутреннего мира человека, основанных на главном поиске – духовного пути к Богу. Этот мотив обретает здесь необычное воплощение. В триптихе «Душа и тело» автор глубоко проникает в мучительную для личности раздвоенную человеческую природу, придав самостоятельность «самоопределениям» души и тела и непримиримость их волеизъявлениям. Поэтическое воображение подсказало форму для раскрытия предельного противоречия, присущего человеку, но только для того, чтобы воплотить величие Божественного сознания. «Слово Бога с высоты» вознесено и над ущербным опытом души, презирающей плоть, возненавидящей любовь, и над убогостью тела, не знающего, «что значит бытие», подчиненного сиюминутному, поскольку единство и борьба двух начал есть суть заложенного Создателем предназначения людей, призванных к трагическим испытаниям во имя достижения подлинно гармоничного бытия.

С этих позиций определил Гумилев священный смысл и созидательную роль искусства в стихотворениях «Молитва мастеров» и «Мои читатели». А

страдальческое, но венчающееся просветлением приобщение несведущей души к Мудрости и Милости Господним ярко запечатлел в небольшой, основанной на экзотических реалиях поэме «Звездный ужас».

Стихи сборника «Огненный столп» разрушают досужие легенды, возникавшие и возникающие вокруг имени и творчества Гумилева, связывающие его то с масонством, то с нищенством, то с дьяволиадой. В главе развенчиваются подобные, искажающие поиск поэта утверждения. Их несостоятельность определена диссертантом средствами анализа разных лирических раздумий Гумилева. В их ряду особое место занимает стихотворение «Память», в котором поэт воспел мечту о возрождении Отчей земли как нового центра христианского мира, представленного образом небывалой святыни – Нового Иерусалима, утвердил идею жертвенного служения грядущей победе, непоколебимую веру в Новое Пришествие Христа. Одновременно в тексте прозвучало и горькое сознание недостижимого для человека XX века участия в кардинальном преображении мира. С высоты величественных перспектив Гумилев критично расценил в «Памяти» многие былые свои устремления (например, «стать богом и царем»), но воспел прозрения, сложившиеся в тягостных испытаниях войны, в личном мужестве преодоления природных стихий.

В период написания «Огненного столпа» Гумилев пересмотрел некоторые положения своего акмеистического манифеста и в статье «Читатель» выдвинул лозунг: «Руководство в перерождении человека в высший тип принадлежит религии и поэзии». И на первое место в таком акте поставил религию – православие, «верной твердыней» которого «врезан в вышине» Исаакиевский собор.

Во второй главе – «Античная культура в поэтическом наследии Н.С. Гумилева» – предпринята попытка проследить влияние ценностей древнейшей цивилизации на поэзию Н.С. Гумилева. Он уже в ранних сочинениях выразил мечту о «прекрасной, основанной на гармонии и

благородном труде жизни»⁴. Воплощение некоторых ее проявлений есть во всех сборниках поэта.

В творчестве Гумилева нет отдельного античного цикла, но стихотворения, особенно ранних книг, насыщены образами эллинской культуры, которые зачастую переплетаются с образами скандинавского эпоса, славянских и африканских мифов, древнегерманских преданий, восточных легенд, создавая сложную картину освоения мира.

На этом материале в главе рассмотрено мастерство Гумилева в разрешении онтологических проблем. Поэт усвоил уважительное, даже почтительное отношение к создателю высокого искусства. Он всю свою сознательную жизнь стремился добиться совершенства поэтического слова.

Обращение поэта XX века к эпосу Гомера вызвано, разумеется, отнюдь не только восхищением его бессмертным творением. Гумилев обретал здесь духовный опыт, позволявший верить в преодоление трагических диссонансов сущего. Он вдохнул во всемирно известный сюжет ощущение современного себе катастрофического бытия. Отсюда проистекала жажда неземной, чарующей красоты. Гомер гениально раскрыл и завершил скитания своего героя. Гумилев прославил вечное движение к нетленным, еще не освоенным ценностям:

Снова полюбим влекущую даль мы
И золотой от луны горизонт,
Снова увидим священные пальмы
И опененный, клокочущий Понт. (I, 140)

Идеал сильной, активной личности, преобразующей природу и общество, характерный для античности, отразился в творчестве поэта XX века. Мужественное начало является доминирующим для лирического героя Гумилева. Он не создан для праздной жизни, жажда подвига и славы переполняет его душу, поэтому образы тех, кто исполнен отваги, избраны ориентиром в жизни («После победы», «В пути», «Капитаны»).

---

⁴ Лосев А.Ф. Античная литература: Учебник для высшей школы // А.Ф. Лосев, Г.А. Сонкина, А.А. Тахо-Годи и др. / Под. ред. А.А. Тахо-Годи. – М., 1997. – С. 8.

Не только подвиги сынов Эллады становятся мерилем ценностей, но и величайшее из чувств, удивительно воспетое поэтами и философами древней цивилизации. Гумилеву близка платоновская концепция эроса («любовью называется жажда целостности и стремление к ней»⁵). Поэт XX века прославил способность к самопожертвованию во имя этого великого чувства, возрождающего личность:

Пусть двое погибнут, чтоб ожил один,
Чтоб странный и светлый с безумного ложа,
Как феникс из пламени, встал Андрогин. (I, 112)

Гумилев высказал активный интерес не только к античному эпосу, философии, мифологии. Поэта живо увлекала история и реальные деятели давно минувших эпох. Элладу и Древний Рим он воспринимал как неповторимые миры, завершенные в блистательном становлении, бурном развитии и закономерном угасании под воздействием новой эры в жизни человечества. В богатейшем наследии исчезнувших цивилизаций Гумилев находил обоснование личностным представлениям о противоречивом состоянии современности, выверял взгляды на текущие процессы XX века и предчувствия их грядущего исхода («Помпей у пиратов», «Основатели», «Манлий», «Игры», «Императору», «Каракалла», «Мореплаватель Павзаний», «Рим», «Пиза», «Неаполь», др.).

В лирике Гумилева античные образы оказываются выразительными символами сложного духовного развития мира. В ряде стихотворений («Осенняя песня», «Осень», «Иногда я бываю печален...», «Смерть») персонажи мифов олицетворяют древнюю культуру, являющуюся лишь ступенью к истинному познанию, преодолевающему отжившие представления. В поздней лирике Гумилева происходит вытеснение античных взглядов на мир нетленными идеалами христианства. В этом пласте стихов четко обозначен закономерный конец царству язычества:

Над этим островом какие выси,
Какой туман!

---

⁵ Платон. Федон, Пир, Федр, Парменид. – М., 1999. – С. 101.

И Апокалипсис был здесь написан,

И умер Пан! (I, 227)

В настоящей работе рассмотрено постепенное созревание подобного «перелома», изменения функций образов древнеевропейского искусства в лирике поэта. А результатом такого процесса установлено не «скорбное» воспоминание о минувшем, а привлечение творческих завоеваний античности для прояснения новой эстетической и этической позиции. Так в стихотворении «Андрей Рублев» глаза иконописной «жены» вобрали в себя силу двух «вещих сиринов», в «Канцоне первой» – безмятежная юность оттенена присутствием «вольной Музы». Соотнесение часто в пределах одного образа текущего бытия с минувшим, естественной природной гармонии древности с мудростью духовных прозрений христианской эры, легких увлечений молодости со зрелым опытом личности – позволяет почувствовать поступательное движение мира, усвоившего достижения прошлого и открывшего неведомые ему перспективы. А внутреннему преображению лирического героя – сообщить проникновенность и многозначность.

Третья глава – «Неоромантическое начало и его развитие в поэзии Н.С. Гумилева» – рассматривается влияние на художественное творчество Гумилева традиций классического романтизма, устанавливается новаторство художника XX века, расшифровано понятие «неоромантизм», примененное С.А. Венгеровым к новейшей отечественной литературе, столь продуктивное для характеристики поэзии Серебряного века, ее общих свойств в сугубо индивидуальном выражении.

В настоящей работе выделены прозорливые раздумья Гумилева о ряде выдающихся мастеров стиха (И. Анненского, А. Блока, Ф. Сологуба, А. Белого, И. Северянина), где были выражены священные для автора критических заметок теоретические положения. Гумилев здесь передал дорогое для себя устремление – предугадывать грядущее и содействовать его наступлению – в творчестве очень разных поэтов. Неудивительно, что идеал

был обозначен Гумилевым и Блоком сходно. Первый хотел причаститься «мировому ритму»; второй – включиться в музыку «мирового оркестра».

В статье «О романтизме» (1919) А. Блок с присущей ему чуткостью «расшифровал» суть этой тенденции в поэзии начала XX века: «Подлинный романтизм вовсе не есть только литературное течение. Он стремился стать и стал на мгновение новой формой чувствования, новым способом переживания жизни. Литературное новаторство есть лишь следствие глубокого перелома, совершившегося в душе, которая помолодела, взглянула на мир по-новому, потряслась связью с ним, прониклась трепетом, тревогой, тайным жаром, чувством неизведанной дали...»⁶. Вот суть неоромантизма эпохи – «взглянуть на мир по-новому», «потрястись связью с ним», проникнуться «чувством неизведанной дали». Гумилев, отлично от символистов по форме, отразил власть тех же переживаний и запросов. Для прояснения их характера в главе устанавливаются истоки мотивов творчества Гумилева в романтических порывах лирического субъекта поэзии Дж.Г. Байрона, В.А. Жуковского, П.А. Вяземского, Е.А. Баратынского, Ф.И. Тютчева, М.Ю. Лермонтова.

Гумилеву были, несомненно, близки свойственные Жуковскому: смелое соотнесение земного и космического, выражение экстатичных душевных состояний, поклонение «всегда разнovidной, / Всегда животворной, / Любимице Зевса, / Богине Фантазии»⁷, освоение жанра баллады. В главе рассмотрено неоднородное выражение этих творческих устремлений в ряде сборников Гумилева, явно склонного к свободному, окрашенному романтической грезой воображению. Однако результаты подобного мироощущения у поэта XX века оказались глубоко отличными от провозглашенных русским классиком. Для В.А. Жуковского очевидно: «душа согрета влияньем горних сил», а «ничтожность света» лишь горький «сон». Изначально, с первого сборника, Гумилев услышал «голос» «с высоты голубой», призывающий принести «себя в жертву земле», «яркие дали

---

⁶ Блок А. Собрание соч.: В 6 т. – М., 1982. – Т. IV, С. 356.

⁷ Жуковский В.А. Собр. соч.: В 3 т. – М., 1980. – Т. I, С. 255.

развернуть пред больными людьми» (I, 41). Разнообразно была развита тенденция в последующем творчестве сына XX века, в чем сказалась важная особенность неоромантической концепции жизни.

Ярко запечатленные знаки романтической фантазии явственно проступили в лирике Гумилева. Образный строй его поэзии насыщен сверхъестественными, «потусторонними» фигурами и колоритом. Но Гумилев внес в это русло свои акценты. Его великие предшественники, певцы гармонии, воплотили торжество высшей нравственности даже в подверженной сомнениям душе или крах вопиющего зла. Гумилев, болезненно переживавший всеобщее измельчание, мужественно выделил безысходное состояние личности. Поэт создал потрясающий своей пагубной сущностью мир, все проявления которого (в том числе – разрушительного характера!) претерпели предельное измельчание, а исконно антиномичные, противоборствующие между собой начала неожиданно слились в устрашающем уродстве. Символом такого процесса стал центральный образ стихотворения «Ужас»:

Я встретил голову гиены
На стройных девичьих плечах.

Творческое воображение поэта XX века не знало ограничений, свободно сочетая в одном существе с опасными женственными чарами, жестокость реальных хищников леса и пустыни с преступными страстями человеческими. Так передал поэт свое трагическое ощущение истощенности в современной ему эпохе прежних представлений о добре и зле. Неслучайно в «Неоромантической сказке» средствами действенной иронии были развенчаны и волшебные подвиги легендарных принцев, и всепобеждающая власть мифических людоедов. Создатель этого произведения подчеркнул его названием свою, отличную от традиционной поэзию. Безобразно искаленный мир был выражен в видениях катастрофического характера. И потому возникла безотлагательная необходимость найти идеальную сферу обитания для «в нездешнее влюбленного», ожидающего вестей «из стран

обетованных» (I, 77). Отсюда проистекала авторская жажда реализации высших потенций, дарованных Создателем человеческой душе.

Весной 1909 года Н. Гумилев сказал в статье, посвященной литературно-критической деятельности Ин. Анненского: «Мир стал больше человека <...>. Взрослый человек (много ли их?) рад борьбе. Он гибок, он силен, он верит в свое право найти землю, где можно было бы жить» (IV, 411). В цикле «Капитаны» («Жемчуга» – 1910) наиболее полно был выражен этот спасительный поиск. Мотивы пути к неведомой человеку, но существующей в небесных сферах гармонии, мужественного преодоления трудностей во имя приближения грядущих свершений («жемчужин») стал ведущим в лирике Гумилева.

Тема путешествия разнообразно была развита в поэзии классического романтизма. Основополагающую роль в этом русле исканий сыграла поэма Дж.Г. Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда» (1812-1818 гг.), прославившая безудержное движение вперед, мужественное противостояние встреченным на этой стезе препятствиям. В природе «вольных скал» лирический герой Байрона открыл идеал красоты и свободы, а сам мотив путешествия сделал выражением грандиозного подъема духа. Воображение лирического героя раздвинуло рамки обыденной жизни: в противовес ее скудости воспевалось небесное совершенство. Страстный почитатель автора «Чайльд-Гарольда», М.Ю. Лермонтов самобытно воплотил перекликающиеся с байроновскими настроения. Но русский поэт, испытавший мучительные превратности судьбы, внес в свои признания печальные ноты горестных раздумий, а в разрешение вечных противоречий – утонченность личных, изменчивых, многооттеночных чувств. Чеканный монолог широких обобщений английского поэта был потеснен взволнованной исповедью русского певца. В его юношеской лирике сложилось ведущее для всего творчества ощущение трагической обездоленности людей в условиях действительности, но проявилась и трепетная вера в способность чистой человеческой души изжить греховные соблазны индивидуалистической

свободы, эгоистических наслаждений. Сходные ориентиры нашли яркое выражение в творчестве Н.С. Гумилева. Тем не менее, его негативные и позитивные переживания обрели нехарактерную для предшественников остроту. Зло предстало в образе устрашающих, всепроникающих стихий. Убеждение в победе светлого начала бытия было донесено предчувствиями лирического героя, в которых словно конкретизировались библейские пророчества грядущего совершенства земного мира. Могучая сила утверждений и отрицаний Гумилева придала особую активность его романтической Музе.

Среди отечественных поэтов XIX века по эмоциональному настрою и образному колориту стихотворений типологически близким Гумилеву был П.А. Вяземский. В основу своих признаний он положил общебытийные проблемы, именно ими порожденные человеческие состояния, мысли, порывы. Реальные ситуации играют здесь второстепенную роль или вообще отсутствуют. В глубинах взыскующего самопознания черпал П.А. Вяземский устойчивые мотивы и вдохновение для их художественного воплощения. Притягательность поэзии П.А. Вяземского подготовлена, однако, тем, что в безрадостной атмосфере «унынием» «обманутая душа»⁸ поднималась к свету. От безысходных будто разочарований был осуществлен прорыв к насыщенному спасительными открытиями внутреннему бытию. По этой линии прозрения П.А. Вяземского предвосхищали многие обобщения, к которым пришел Гумилев. Несколько в ином плане установлена в диссертации типологическая связь поэта XX века с наследием Ф.И. Тютчева. Он воспел, как известно, бесконечные таинства душевной жизни. В бесчисленных образных вариантах предстали человеческие грезы, способные по-разному украсить скучное земное существование. Поэт прославил полет богатого воображения, сообщив ему определение «златокрылый», раскрыв сверхвозможности в совершенно естественном для него состоянии «творческого» сна.

---

⁸ Вяземский П.А. Стихотворения. – Л., 1958. – С. 136.

«Благородная отвага» чувств, «сладострастье стройных дум» П.А. Вяземского, плодотворная мечта Ф.И. Тютчева о «жизни божеско-всемирной» – нетленные открытия классического романтизма – нашли своеобразное продолжение в поэзии Гумилева. Исходное душевное состояние воплощенной им личности весьма созвучно с тем, которое отразили его предшественники. Но Гумилев предельно укрупнял впечатления от зыбкого, опустошенного человеческого существования. Даже природа, с ее многоцветной красотой, часто становится носителем катастрофичности земного мира – его бессознательной стихии, либо утраты первоначального могущества. Необычно развиты Гумилевым представления классиков о совершенном человеческом опыте, в том числе – творческом. Опора Баратынского на «сон воображения», тютчевское восприятие художника, который «всесилен как стихия, не властен лишь в себе самом», его избранности свыше: поэзия «с небес слетает к нам – небесная к земным сынам» – получили иную акцентировку в стихах Гумилева. «Благостным заветом» провозгласил он «высокое косноязычье» (I, 248), т.е. поэтическую интуицию; вдохновением наделил лишь тех, кто способен: подняться до истины, дарованной Господом, до «расцвета духа» – «расковывать косный сон стихий» (I, 249), предвосхитить рождение «шестого чувства», фиксирующего нетленное Совершенство. Всюду ощущается активность нравственно-эстетической позиции Гумилева. Он не искал «доступного пути» к «недостижимому», но стремился разгадать, точнее, соотнести с зримым проявлением жизни творческие прозрения художником Промысла Господня.

Классический отечественный романтизм не выходил за пределы христианского вероучения о Создателе, за грань Откровений Сына Божия. Гумилев несколько потеснил эту тенденцию, запечатлев в исключительных ситуациях Лик, Деяния, Слово Господни, но, что сразу необходимо подчеркнуть, не нарушил, а утвердил целомудренность христианской веры в Творца всех миров. Расхождения между художниками разных эпох существовали немалые. Тем не менее, творческий поиск Гумилева протекал

все-таки в русле, проложенном его предшественниками. Они открыли напряженное, «многострунное» (А. Блок) внутреннее бытие личности. П.А. Вяземский определил исток первоначально важных для себя «предчувствий и скорби о чем-то неземном», «упования того, что будет вновь». Е.А. Баратынский поклонялся «сну воображения», «раскованной мечте видений своевольных». М.Ю. Лермонтов обретал заветное благодаря тому же дару: «люблю мечты мое созданье», «я был свободен на мгновенье / Могучей волею мечты». Показательные примеры можно легко продолжить. Все они свидетельствуют о редкой значимости для создателей русской школы романтизма творческого воображения, предельно обогатившего сокровенный мир художника и постижение духовных основ сущего. Автор «Огненного столпа» своеобразно развил эту традицию. Он мастерски раскрыл исходный смысл широко употребляемых понятий, исконно связанных с теми или иными гранями Заветов Божиих. Чуткость к истокам слова позволила конкретизировать высшие предназначения относительно рода людского и трагедию отступления от них.

В главе исследуются оригинальные творческие устремления Гумилева, приведшие к образному запечатлению внутренних диссонансов, но и возможного их преодоления личностью. Иногда (см. «Лес») сначала создавалось пугающее своей алогичностью напластование неведомых видений и явлений, затем разъяснялось их подлинное назначение. Чаще произведения заключали в себе последовательное раскрытие какой-то сверхъестественной ситуации, где каждая ее грань доносила важный оттенок воплощаемых переживаний. «Неправдоподобные видения» «дешифровались» самим автором как выражение сложных душевных взлетов или, напротив, утрат человека. Сочная «предметность» образной системы, свойственной поэзии Гумилева, привлечение культурных, исторических реалий прошлого, обращение даже к низменным проявлениям земной жизни – усиливали общий романтически просветленный настрой лирики Гумилева. Чем объемнее, выразительнее были раскрыты порочные тенденции, тем настойчивее утверждался идеал вечной

гармонии, единственно способной нейтрализовать «бушующие волны» темных страстей. Поэтическое воображение создало самобытные формы для воплощения высшего духовного начала, обрекшего ничтожную или преступную повседневность на бессильное угасание. Такая направленность художественного творчества обусловила характерные черты романтизма нового типа, иначе, – неоромантизма.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, оттеняются принципиально важные подходы к поэтическому наследию Гумилева, определяются перспективы изучения творчества самобытного художника XX века.

Содержание работы отражено в **следующих публикациях**:

1. Климчукова В.Н. Русская эмиграция первой волны о творческом феномене Н. Гумилева // Очерки литературы Русского зарубежья: Межвузовский сборник научных трудов. – М.: МПУ, 2000. – С. 78-85. (0,3 п.л.).
2. Климчукова В.Н. Н. Гумилев о А. Блоке: постижение феномена поэта // Словесное искусство Серебряного века и развитие литературы (материалы межвузовской конференции, посвященной 70-летию МПУ): Межвузовский сборник научных трудов. – М.: МПУ, 2001. – С. 30-33. (0,2 п.л.).
3. Климчукова В.Н. Библейские мотивы в сборнике Н.С. Гумилева «Огненный столп» // Словесное искусство Серебряного века и развитие литературы (материалы межвузовской конференции, посвященной 70-летию МПУ): Межвузовский сборник научных трудов. – М.: МПУ, 2001. – С. 78-86. (0,3 п.л.).
4. Климчукова В.Н. Христианские истоки поэтических образов Н.С. Гумилева в сборнике «Колчан» // Дружба-3. Слово и образ в художественной литературе: Третий совместный сборник научных статей факультета русской филологии МГОУ и кафедры русистики и лингводидактики педагогического факультета Карлова университета в Праге. – М.: МГОУ, 2003. – С. 50-60. (0,4 п.л.).

5. Климчукова В.Н. Н.С. Гумилев (1886-1921) // История русской литературы XX века: В 4-х кн. Кн. 1: 1910-1930 годы. Учеб. Пособие / Л.Ф. Алексеева, И.А. Биккулова, Н.М. Малыгина и др.; Под ред. Л.Ф. Алексеевой. – М.: Высшая школа, 2005. – С. 115-133. (0,8 п.л.).
6. Климчукова В.Н. Н. Гумилев // Русская литература XX века и современность (конец 1910-х – 2000-е годы): Программа и методические указания по изучению курса и выполнению письменных работ: Для студентов-филологов дневного, вечернего и заочного отделения. – М.: МГОУ, 2003. – С. 15.
7. Климчукова В.Н. Литературоведческий анализ художественного текста: Программа для студентов по специальности 032900 «Русский язык и литература». – М.: МГОУ, 2004. – С. 11.
8. Климчукова В.Н. Библейские мотивы в книге лирики Н.С. Гумилева «Жемчуга» // Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века: Материалы Международной научной конференции. Москва. 27-28 июня 2005 г. Выпуск 3. Часть 2. Русская литература в России XX века. – М.: Водолей Publishers, 2006. – С. 11-17 (0,5 п.л.).
9. Климчукова В.Н. Библейские мотивы в книге лирике Н.С. Гумилева «Чужое небо» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – М.: МГОУ, 2006, № 3. – С. 117-121. (0,3 п.л.).
10. Климчукова В.Н. О духовных основах поэзии Н.С. Гумилева // Литература в школе. – М., 2007, № 5. – С. 48. (0,3 п.л.).